

УДК 94(47)"1920/1953"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/12

ДОЛГОЕ ЭХО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: УРОЖЕНЦЫ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ И КАРПАТСКОЙ РУСИ В ЖЕРНОВАХ РЕПРЕССИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В.П. Зиновьев¹, В.Н. Уйманов²

¹ Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: vpz@tsu.ru

² Администрация Томской области
Россия, 634050. г. Томск, ул. Вершинина 48/1
E-mail: uimanov@tomsk.gov.ru

Авторское резюме

В статье рассматривается судьба уроженцев западных губерний и Карпатской Руси, репрессированных на территории Томской области в период 1920–1953 гг. Они оказались на ней в результате переселений, высылки, в качестве военнопленных и беженцев в годы Первой мировой войны. Как и все население Западной Сибири, они стали объектом репрессий сталинских властей. Авторы обращают внимание на то, что уроженцы Карпато-Днестровских земель подверглись более жестким репрессиям по сравнению с другими жителями региона из-за ксенофобии коренного населения и сотрудников органов внутренних дел и государственной безопасности. Более всех пострадали поляки. Репрессии против них объясняются многовековым противостоянием Речи Посполитой и Московской Руси, породившим уверенность в том, что «поляк – враг всего русского», подтвержденным войной с белополяками в 1919–1920 гг., карательными походами белопольских соединений в Западной Сибири в годы гражданской войны, далекое эхо которой докатилось до 1950-х гг.

Ключевые слова: западные губернии России, Карпатская Русь, Томская область, репрессии.

THE LONG ECHO OF THE CIVIL WAR: NATIVES OF THE CARPATHIAN – DNIESTER LANDS UNDER THE WHEELS OF REPRESSIONS IN TOMSK REGION

V.P. Zinovyev¹, V.N. Uimanov²

¹Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: vpz@tsu.ru

²Administration of Tomsk region
48/1 Vershinin Street, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: uimanov@tomsk.gov.ru

Abstract

The paper focuses on the fate of the natives of the Carpathian-Dniester lands repressed in 1920–1953 in the territory of Tomsk Region, where they appeared as a result of evictions, exiles, as prisoners of war and refugees during WWI. As all the population of Western Siberia, they were subject to repressions by the Stalinist authorities. The authors underline that the Carpathian – Dniester natives were subject to harsher repressions than other residents of the region due to xenophobia on the part of locals, militia and security service officers. The Poles suffered most of all. The authors argue that the harshest repressions against the Poles can be explained by the anti-Polish propaganda imprinted into the Russian subconsciousness, with the slogan “a Pole is an enemy of all the Russian”, which was supported by the war with Poland in 1919–1920 and the crimes committed by the White Poles in West Siberia during the Civil War. The long echo of the Civil War lasted well into the 1950s.

Keywords: Western provinces of Russia, Carpathian Rus', Tomsk region, repressions.

Первая мировая и гражданская войны в России были первыми в истории страны событиями, которые по-настоящему затронули всех живших в громадном государстве, сдвинули с места жительства, лишили привычного статуса миллионы людей. Многие из них были заброшены за тысячи километров от дома. По этой причине не стоит удивляться, что на территории Томской области оказалось много выходцев из западных губерний России и Карпатской Руси (Подкарпатья, Буковины и Галиции).

Судьбе этих людей и посвящена настоящая статья. Оказавшись в новой для себя ситуации, они острее, чем местные уроженцы,

ощутили на себе тяжесть режима сталинской мобилизационной и репрессивной системы.

Появлению в далекой Сибири уроженцев западных губерний Российской империи способствовало несколько обстоятельств. Западные губернии (нас интересуют Волынская, Каменец-Подольская, Бессарабская) были плотно заселены, крестьяне испытывали недостаток земли и так же, как жители центрально-черноземных губерний империи, Белоруссии, Малороссии, ехали за Урал в поисках земли и воли. Население Сибири пополнялось в основном за счет крестьян-переселенцев. В конце XIX в. в Сибири из 6 млн жителей 1,3 млн родились в Европейской России, а за 1897–1914 гг. переселились еще 3,3 млн крестьян (Крестьянство Сибири 1983: 180, 231). Русины Австро-Венгрии, подобно другим подданным этого государства, как известно, чаще оправлялись за океан – в Канаду, Южную Америку (Шевцов, Бабута 2017).

В Сибири выходцы из западных губерний империи оседали преимущественно на юге Томской губернии, но попадали нередко и в северный Томский уезд, позднее ставший Томской областью. В 1897 г. крестьян с Украины насчитывалось 92 тыс. из двухмиллионного населения губернии, в т. ч. из Каменец-Подольской губернии – 2 454, из Волынской – 1 623 чел. В 1898–1905 гг. переселилось соответственно еще 75 и 1 785 чел., а в 1906–1914 гг. за Урал переехали 73 051 чел. из Подольской губернии и 52 460 чел. из Волынской, в общем числе 1,37 млн переселенцев из новороссийских и малороссийских губерний. Половина из них осела в Томской губернии. К началу Первой мировой войны крестьяне из малороссийских губерний составили четверть всех переселенцев в Томскую губернию (Подольяно 2010: 130, 182, 231), в т. ч. около 70 тыс. – из Каменец-Подольской и Волынской губерний. Выходцев из Бессарабии было намного меньше.

Отправлялись жители западных губерний в Сибирь и на Дальний Восток в поисках заработка на железной дороге, стройках, горных разработках, но их число было незначительным (Рабочий класс 1982).

События Первой мировой войны существенно увеличили количество уроженцев из Карпатской Руси и Бессарабии в Томской губернии. Западные губернии (в т. ч. Волынская и Бессарабская), как и австро-венгерские в то время Галиция, Подкарпатье и Буковина, оказались в самом эпицентре военных действий на Восточном фронте, что породило массу беженцев, административно высланных. Существенное их количество оказалась в Томской губернии. С началом войны были задержаны и помещены в лагерь близ Новониколаевска около тысячи германских и австрийских подданных.

В период отступления из Галиции, Польши, Прибалтики были выселены и высланы в Сибирь обвиненные в шпионаже и враждебности

евреи, немцы-колонисты, поляки, украинцы (русины) общим числом до 87 тыс. чел. (Шиловский 2015: 178–179). Значительная их часть разместились в Томской губернии и в Томске. На 1 сентября 1916 г. беженцев и выселенцев в Томской губернии было 32 тыс. чел., в т. ч. русских – 25 260, поляков – 3 245, латышей – 1 687, евреев – 890, немцев – 687, галичан (русинов) – 40 (Шиловский 2015: 180). В ноябре 1915 г. прибыли и были размещены по волостям 540 беженцев из Холмской, Волынской, Сувалкской губерний, среди которых 280 русских, 75 латышей, 65 галичан (русинов), 120 поляков (Когда рушились государства 2015: 185). В Томске в августе 1916 г. находились 1 300 семей беженцев (3 961 чел.), в т. ч. русских – 1502, поляков – 1 232, евреев – 664, литовцев – 276, латышей – 253, цыган – 36 (Шиловский 2015: 181). Некоторые из них остались в Сибири надолго.

Временно находились в Сибири военнопленные из Австро-Венгрии и Германии. Среди них немало было славян – чехов, словаков, поляков, русинов. Из 2,1 млн военнопленных из держав Центральной оси, находившихся в России на 1917 г., 336 тыс. чел. числились в 58 лагерях в Сибири. Их размещали в городах и волостях, обеспечивая по возможности работой. В ноябре 1914 г. по городам Томской губернии были размещены более 33,1 тыс. военнопленных, в т. ч. в Каинске – 745 чел., Мариинске – 478, Томске – 10 435, Новониколаевске – 7 350, Барнауле, – 6 191, Бийске – 4 622, Колывани – 1 000, с. Берском – 800, Боготоле – 1 000, в Татарске – 500 чел. (Когда рушились государства 2015: 14–16). В Томске уже в июне 1915 г. насчитывалось 7 527 военнопленных, среди них немцев – 1 460, славян (поляков, словаков, чехов, русинов) – 2 107, венгров – 904, румын – 13, евреев – 35 и прочих национальностей – 17. Около тысячи военнопленных были распределены на лесозаготовки по Томскому округу (Когда рушились государства 2015: 37–38).

Накануне Февральской революции на территории Сибири и Дальнего Востока находилось 240 950 военнопленных периода Первой мировой войны: в Омске – 14 000, Новониколаевске – 12 000, Красноярске – 13 000, Иркутске – 8 800, Канске – 6 000, Томске – 5 200, Кургане, Тюмени, Тобольске и Семипалатинске – по 5 000, Барнауле – 2 500, Бийске – 3 000, Ачинске – 2 750 и т. д. По данным Сибэвака, в их числе было 63 тыс. польских граждан (Вегман 1929: 517–520), чего не учитывать на фоне сложных и напряженных отношений между Россией и Польшей было нельзя.

Военнопленные остались в Сибири на период гражданской войны, а некоторые приняли в ней активное участие. Если немцы остались нейтральными, то мадьяры приняли сторону советской власти, а братья-славяне в основном поддержали Белую армию. Воинские под-

разделения, сформированные из поляков, чехов, словаков и сербов, оставили после себя в губернии дурную славу из-за бандитизма и убийств мирных жителей (Баяндин 2011: 191–203). Польские воинские соединения, сформированные из военнопленных, представляли серьезную силу: в 1919 г. в Новониколаевске в них насчитывалось 11 145 чел. (Нам 2009: 496). Рвение белополяков в борьбе с красными партизанами впоследствии сослужило оставшимся в Сибири их соотечественникам плохую службу.

Попытки формирования украинских и русинских соединений для армии Колчака были неудачными и запоздалыми, хотя этнический материал в Сибири для этого был в лице 25 тыс. русинов-военнопленных и значительного числа украинцев (Нам 2009: 249–262; Нам, Наумова, Зиновьева 2017: 85–100). Правительство А.В. Колчака, выступавшее с позиции «единой и неделимой России», не очень-то поощряло формирование национальных воинских формирований, в т. ч. и русинских, из бывших подданных империи.

По данным историка П.Ф. Николаева, на 1 марта 1920 г. на территории губернии оставалось 160 тыс. бывших военнопленных (Николаев 1967: 168).

После разгрома армии Колчака и других белых правительств гражданская война закончилась не сразу. Продолжались крестьянские восстания, бандитские налеты, борьба на границе. Власть сохраняла подозрительность, и ее репрессивный аппарат был наготове и запускался каждый раз, когда обнаруживались внутренние трудности. Именно в Западной Сибири репрессии по своей массовости и жестокости побили все рекорды (Уйманов 2012: 137).

Среди 20 899 лиц, репрессированных по политическим мотивам в Томской области, по нашим подсчетам, 620 оказались выходцами из Вольнской, Каменец-Подольской, Бессарабской губерний Российской империи, соседних с ними территорий Австро-Венгерской империи (Галиции, Буковины и Подкарпатья (Закарпатья)) и Румынского королевства (Боль людская 1991; Боль людская 1992а; Боль людская 1992б; Боль людская 1994; Боль людская 1999; Уйманов 2012: 530–562). Принадлежность их по рождению к названным территориям не всегда указывалась в списках репрессированных, и поэтому проводились поиск сел, городов, местечек и привязка их к административному делению Российской и Австрийской империй. Была также проведена редакция ошибок в географических названиях, устранены повторы информации об одних и тех же лицах, установлена национальность репрессированных. Для этого были использованы сайты организаций, собирающих и систематизирующих сведения о репрессированных в СССР (nkvd.tomsk.ru; ru.openlist.wiki; rosgenea.ru).

Репрессированные в Томской области выходцы из западных губерний и Карпатской Руси распределялись по местам, из которых прибыли, следующим образом: Волынская губерния – 250; Каменец-Подольская – 117; Бессарабская губерния (Молдавская ССР) – 147; Галиция (Королевство Галиции и Лодомерии) – 73; Буковина – 30; Закарпатье – 1.

Уроженцы малороссийских губерний прибыли в Сибирь в основном как крестьяне-переселенцы, их репрессированные дети числились уже уроженцами Томской губернии. Уроженцы Бессарабской губернии, Галиции и Буковины делились на беженцев и их потомков, переселенцев и ссыльных довоенного и военного времени.

Репрессии можно разделить на четыре волны. Первая, самая слабая, пришлось на 1920–1921 гг., когда попали под политические репрессии 7 выходцев из западных губерний: интернированные поляки во время советско-польского конфликта и некоторые другие лица. Более жесткими были репрессии 1930–1933 гг., под них попали 46 уроженцев Карпатской Руси и Бессарабии. Большой террор 1937–1938 гг. ударил по судьбам 389 выходцев из Украинской ССР и Молдавской АССР. Репрессии 1940-х гг. можно назвать умеренными: в 1940–1949 гг. в их жернова попали 95 чел. из интересующего нас контингента. 1950–1953 гг. характеризовались новым подъемом активности репрессивных органов: 72 чел. попали под их действие. В 1940–1950-е гг. это были в основном уроженцы вновь присоединенных к СССР земель – Галиции, Буковины, Бессарабии (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение репрессированных в Томской области уроженцев
Карпато-Днестровских земель (по годам)**

Год	Количество репрессированных	Год	Количество репрессированных
1920	7	1942	13
1921	1	1943	12
1930	10	1944	10
1931	17	1945	12
1932	4	1946	12
1933	15	1947	7
1934	1	1948	3
1935	5	1949	1
1936	6	1950	6
1937	275	1951	14
1938	114	1952	20
1939	3	1953	31
1940	8	1954	2
1941	18	1958	3

Репрессии сразу после гражданской войны были минимальны, во время коллективизации их можно сравнить с мелкой рябью, большой террор смел людей как цунами, после которого наступило легкое волнение, грозившие перейти в новый шторм репрессий в начале 1950-х гг., накануне смерти Сталина.

Если жертвы репрессий разделить по национальному признаку, то выходцев из Западной Украины и Бессарабии можно распределить в табл. 2 следующим образом.

Таблица 2

**Распределение репрессированных в Томской области уроженцев
Карпато-Днестровских земель в 1920–1958 гг. по национальностям**

Национальность репрессированных	Мужчин	Женщин	Всего		
			человек	в т. ч. расстреляно	
				человек	% к числу репрессированных
Русские	100	5	105	64	61
Украинцы	216	14	230	136	59
Белорусы	10	0	10	5	50
Русины (австро-венгерские подданные)	5	0	5	4	80
Поляки	110	6	116	94	81
Молдаване	38	5	43	8	19
Немцы	34	9	43	24	56
Евреи	40	10	50	13	26
Румыны	3	0	3	1	33
Чехи	1	0	1	1	100
Болгары	3	0	3	1	33
Итальянцы	1	0	1	1	100
Неизвестно	10	0	10	1	10
Итого	571	49	620	353	57

Жесткость репрессий по отношению к представителям разных национальностей была различна. Доля расстрелянных русских, украинцев равнялась приблизительно 60 %, немцев – 56, евреев – 26, молдаван – 19 %. Выделяются поляки и русины из Австрии – 80 % расстрелянных. Более низкие проценты расстрелянных среди евреев и молдаван объясняются тем, что большинство их появилось в Томской области в числе спецпереселенцев накануне и во время войны, когда вынесение смертного приговора стало редкостью. Данные по уроженцам Западной Украины и Молдавии подтверждают общую тенденцию характера репрессий в регионах Западной Сибири. Репрессированных русских расстреливали от 50 до 60 %, поляков – от 62

до 82 %. Поляки оказались наиболее гонимой нацией в регионах бывшей Томской губернии (Томская и Кемеровская области, Алтайский край, Республика Алтай). К числу проживавших в них жителей доля репрессированных, например, в 1931–1941 гг., составила русских – 1,07 %, украинцев – 2,1, белорусов – 5,06, евреев – 6,06, немцев – 12,3, поляков – 30 % (Уйманов 2012: 414–419). Из 21 тыс. репрессированных на территории Томской области в 1920-х – начале 1950-х гг. русских было 14 263 чел. (68 % от общего числа), расстреляны из них 6 623 чел., или 46,43 %, поляков – 1 507 (7,2 %), расстреляны 1 204 (79,89 %), украинцев – 1 159 (5,52 %), расстреляны 662 (57,11 %), немцев – 750 (3,57 %), расстреляны 421 (56,13 %), белорусов – 638 (3,04 %), расстреляны 394 (61,76 %), евреев – 479 (2,28 %), расстреляны 196 (40,92 %) (Большудская 2016: 561). Доля расстрелянных русских, украинцев, белорусов из Западной Украины выше, чем в среднем по области среди тех же национальностей, на 4–15 %.

Это подтверждает, что самым главным фактором более интенсивных репрессий против недавно прибывшего населения была ксенофобия местных жителей и работников органов власти. Репрессии против «иных» были всегда жестче, чем против коренного этноса (Уйманов 2012: 414–415). Так, среди расстрелянных в Кузбассе оказалось 82,29 % корейцев, 84,7 % карелов, 83,8 % австрийцев, 83,3 % туркмен, 81,8 % латышей, 80,16 % китайцев, по 80 % бурят и ассирийцев, 79,9 % поляков, 58,5 % немцев, 57,8 % литовцев и т.д. В Томске в числе наиболее пострадавших в процентном отношении были китайцы – 96 %, корейцы – 87,8, финны – 86,0, поляки – 79,65 и татары – 58,82 %. На Алтае таковыми стали венгры – 73 %, румыны – 69,23, белорусы – 65,1, латыши – 62,95, поляки – 61,48, эстонцы – 59,6 % (подсчитано по базам данных репрессированных жителей названных субъектов).

Однако в данном случае уместно сделать оговорку – представители указанных национальностей не являлись преобладавшим населением в вышеупомянутых субъектах, и их количество исчислялась несколькими десятками или сотнями человек. Даже в Ойротии, где автохтонное население преобладало, число репрессированных лиц иных национальностей много выше числа репрессированных представителей коренного населения.

К врагам часто относили людей с необычными фамилиями (а к полякам автоматически причисляли всех, у кого фамилия оканчивалась на *-ский*), с непривычными традициями и обычаями. Чаще отправляли на нары людей, бывавших за границей или родившихся на территориях, отошедших к другим государствам. Ничего удивительного в этом не было, т.к. как населению страны постоянно внушалось через

партийно-идеологический аппарат, с помощью печати, радио и т. п., что Советский Союз находится в плотном окружении империалистических государств, стремящихся всеми силами если не уничтожить СССР, то всячески вредить и мешать советскому народу строить «светлое будущее». Проявление бдительности и выявление врагов было одной из важнейших задач для каждого активного члена советского общества. По мере развертывания репрессий национальный аспект стал одним из факторов, определявших возможную принадлежность человека к вражескому окружению. По линии органов НКВД были изданы соответствующие т. н. линейные приказы (по репрессированию немцев, поляков и др.), всего 12.

Нельзя не учитывать и то, что в стремлении избежать попадания в «жернак репрессий», обезопасить себя и своих близких часть населения активно сигнализировала в соответствующие органы чаще всего о «чужаках».

Кроме этого, наиболее жесткие репрессии против поляков объясняются многовековым противостоянием Польши и России, породившим уверенность в том, что «поляк – враг всего русского», подтвержденным войной с белополяками в 1919–1920 гг., карательными экспедициями белополяков против красных партизан в Западной Сибири в годы гражданской войны.

По мере изменения политических ветров в стране претерпевала изменения и репрессивная политика, менялась система наказаний, менялся и контингент репрессированных. В годы Великой Отечественной войны и по ее окончании представители многих народов испытали на себе давление катка государственной репрессивной машины. Сибирь стала новой родиной для сотен тысяч человек, оторванных, как показала жизнь, на десятилетия от своих корней и мест постоянного проживания. В октябре 1946 г. число спецпереселенцев в Западной Сибири достигло 341 048 чел.: на Алтае – 35 381, в Кемеровской области – 129 423, в Томской – 83 276 и в Новосибирской – 92 968 чел. (Иосиф Сталин 1992: 245). В последующие три года в Кемеровскую, Новосибирскую и Томскую области прибыли еще более 56 тыс. спецпереселенцев из Белоруссии, Украины и Прибалтики.

Далекое эхо гражданской войны долетело до 1950-х гг. В справке УМВД по Томской области (по данным на 10.09.1953 г.) о национальном составе спецконтингента, находившегося в Томской области, были указаны представители 20 национальностей (57 621 чел.), к числу других были отнесены еще 389 чел. В числе спецпереселенцев было 16 914 немцев, 11 278 латышей, 9 249 украинцев, 6 922 литовца, 3 555 молдаван, 1 856 эстонцев, 1 122 еврея, 962 поляка, 494 болгарина, 112 румын и 30 белорусов (Уйманов 1995: 322–333). Несом-

ненно, среди украинцев, молдаван, евреев и представителей некоторых других национальностей было значительное число жителей из рассматриваемого нами региона.

Сами же организаторы репрессий не вели целенаправленной политики против какой-либо нации. Это противоречило официально продекларированному советским руководством интернационализму. Обвинения в этом репрессивных органов СССР безосновательны, вызваны идеологией антикоммунизма и русофобией бойцов информационной войны с современной Россией.

ЛИТЕРАТУРА

Баяндин 2011 – *Баяндин В.И.* Незванные гости в сибирском доме (интервью в Новониколаевске в годы гражданской войны) // Человек – Текст – Эпоха. Вып. 4: Аналитические практики и перспективы современного историковедения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 191–203.

Боль людская 1991 – Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов / Сост.: В.Н. Уйманов, Ю.А. Петрухин. Томск: Управление КГБ, 1991. 400 с.

Боль людская 1992а – Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов / Сост. В.Н. Уйманов. Томск: Управление АФБ РФ, 1992. Вып. 2. 440 с.

Боль людская 1992б – Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 1930–40-е и начале 50-х годов / Сост. В.Н. Уйманов. Томск: Управление МБ РФ по Томской области, 1992. Т. 3. 465 с.

Боль людская 1994 – Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей / Сост. В.Н. Уйманов. Томск: Управление Федеральной службы контрразведки по Томской области, 1994. Т. 4. 384 с.

Боль людская 1999 – Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей / Сост. В.Н. Уйманов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. Т. 5. 384 с.

Боль людская 2016 – Боль людская. Книга памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг. 2-е изд., доп. и перераб. / Сост. В.Н. Уйманов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. Т. 3. 704 с.

Вегман 1929 – *Вегман В.* Военнопленные империалистической войны // Сибирская советская энциклопедия. Том первый: А–Ж. Новосибирск: Сибирское краевое издательство, 1929. Стлб. 517–521.

Иосиф Сталин 1992 – Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.

Когда рушились государства 2015 – Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны: сборник документов и материалов / Сост. Т.В. Шульга, А.В. Большакова В.А. Бузанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 2. 240 с.

Крестьянство Сибири 1983 – Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, 1983. 440 с.

Нам 2009 – *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.

Нам, Наумова, Зиновьева 2017 – *Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И.* Карпаторусский совет и формирование воинских подразделений карпаторусов в Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 2017. № 3 (49). С. 85–100.

Николаев 1967 – *Николаев П.Ф.* Советская милиция в Сибири (1917–1922 гг.). Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 391 с.

Подольнюк 2010 – *Подольнюк А.С.* Переселение в Томскую губернию крестьян из Малороссии и Новороссии (1885–1914 гг.) // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Сборник трудов студентов и аспирантов исторического факультета. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 5. С. 17–20.

Рабочий класс 1982 – Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. 459 с.

Уйманов 1995 – *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 336 с.

Уйманов 2012 – *Уйманов В.Н.* Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск: Томский государственный университет, 2012. 564 с.

Шевцов, Бабута 2017 – *Шевцов В.В., Бабута М.Н.* Иммиграция русинов в Канаду на рубеже XIX – начала XX в.: формирование диаспоры и ее адаптация // Русин. 2017. № 1 (47). С. 122–131.

Шиловский 2015 – *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 331 с.

nkvd.tomsk.ru – сайт Мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД» (Томск).

ru.openlist.wiki – Открытый список – база данных жертв политических репрессий в СССР (1917–1991 гг.).

rogsgenealogy.ru - Центр генеалогических исследований.

REFERENCES

Bayandin, V.I. (2011) *Nezvanye gosti v sibirskom dome (interventy v Novonikolaevske v gody grazhdanskoy voyny)* [Uninvited guests in the Siberian house (interventionists in Novonikolaevsk during the Civil War)]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Chelovek – Tekst – Epokha* [Man – Text – Epoch]. Issue 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 191–203.

Uymanov, V.N. & Petrukhin, Yu.A. (eds) (1991) *Bol' lyudskaya. Kniga pamyati tomichey, repressirovannykh v 30-40-e i nachale 50-h godov* [Human Pain. The

Memory Book of the Tomsk Residents Repressed in the 1930s, 1940s and the early 1950s]. Tomsk: Office of the KGB USSR.

Uymanov, V.N. (ed.) (1992a) *Bol' lyudskaya. Kniga pamyati tomichey, repressirovannykh v 30-40-e i nachale 50-h godov* [Human Pain. The Memory Book of the Tomsk Residents Repressed in the 1930s, 1940s and the early 1950s]. Vol. 2. Tomsk: Office of AFB RF.

Uymanov, V.N. (ed.) (1992b) *Bol' lyudskaya. Kniga pamyati tomichey, repressirovannykh v 30-40-e i nachale 50-h godov* [Human Pain. The Memory Book of the Tomsk Residents Repressed in the 1930s, 1940s and the early 1950s]. Vol. 3. Tomsk: Office of the Ministry of Finance of the Russian Federation for Tomsk Region.

Uymanov, V.N. (ed.) (1994) *Bol' lyudskaya. Kniga pamyati repressirovannykh tomichey* [Human Pain. The Memory Book of the Repressed Tomsk Residents]. Vol. 4. Tomsk: Office of the Federal Counterintelligence Service in the Tomsk Region.

Uymanov, V.N. (ed.) (1999) *Bol' lyudskaya. Kniga pamyati repressirovannykh tomichey* [Human Pain. The Memory Book of the Repressed Tomsk Residents]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University.

Uymanov, V.N. (ed.) (2016) *Bol' lyudskaya. Kniga pamyati zchiteley Tomskoy oblasti, repressirovannykh v 1920-h – nachale 1950-h gg.* [Human Pain. The Memory Book of the Tomsk Residents Repressed in the 1920s - early 1950s]. 2nd ed. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.

Vegman, V. (1929) Voennoplennyye imperialisticheskoy voyny [Prisoners of war of the imperialist war]. In: Azadovskiy, M.K. et al. (eds) *Sibiskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskoe kraevoe izdatelstv. pp. 517–521.

Stalin, I. (1992) *Iosif Stalin – Lavrentiyu Beriya: “Ikh nado deportirovat’...”*. *Dokumenty, fakty, kommentarii* [Joseph Stalin to Laurentius Beria: “They must be deported ...”. Documents, facts, comments]. Moscow: Druzhba narodov.

Shulga, T.V., Bolshakova, A.V. & Buzanova, V.A. (eds) (2015) *Kogda rushilis gosudarstva: sudba sibirskoy provincii v kontekste Pervoy mirivoy voyny. Sbornik dokumentov i materialov* [When states collapsed: the fate of the Siberian province in the context of WWI. A collection of documents and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

Okladnikov, A.P., Bychkov, A.P., Goryushkin, L.M. et al. (eds) (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Nauka.

Nam, I.V. (2009) *Natsional'nyye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskoy perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East at a historic turning point (1917–1922)] Tomsk: Tomsk State University.

Nam, I.V., Naumova, N.I. & Zinov'yeva, V.I. (2017) The Carpatho-Russian Council and the Formation of the Carpatho-Russian Military Units in Siberia during the Civil War. *Rusin*. 3(49). pp. 85–100 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/49/6

Nikolayev, P.F. (1967) *Sovetskaya militsiya v Sibiri (1917–1922 gg.)* [Soviet militia in Siberia (1917–1922)]. Omsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.

Podolyanko, A.S. (2010) *Pereseleniye v Tomskuyu guberniyu krest'yan iz Malo-rossii i Novorossii (1885–1914 gg.)* [Resettlement of peasants in Tomsk province from Little Russia and New Russia (1885–1914)]. *Voprosy istorii, mezhdunarodnykh otnosheniyi dokumentovedeniya*. 5. Tomsk: Tomsk State University, pp. 17–20.

Blinov, N. (1982) *Rabochiy klass Sibiri v dooktyabr'skiy period* [Siberian working class in the pre-October period]. Novosibirsk: Nauka.

Uymanov, V.N. (1995) *Repressii. Kak eto bylo... (Zapadnaya Sibir' v kontse 20-kh – nachale 50-kh godov)* [Repressions. As it was ... (Western Siberia in the late 1920s – early 1950s)]. Tomsk: Tomsk State University.

Uymanov, V.N. (2012) *Likvidatsiya i rehabilitatsiya: politicheskiye repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919–1941 g.)* [Liquidation and rehabilitation: political repressions in Western Siberia in the system of Bolshevik power (the late 1919–1941)]. Tomsk: Tomsk State University.

Shevtsov, V.V. & Babuta, M.N. (2017) Immigration of rusins to Canada in the late 19th – early 20th centuries: the diaspora formation and adaptation. *Rusin*. 1(47). pp. 122–131 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/47/11

Shilovkiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914 – 1918 and Siberia.] Novosibirsk: Avtograf.

The Memorial Museum “NKVD Investigation prison”. (n.d.) Official Website. [Online] Available from: <http://nkvd.tomsk.ru> (Accessed: 27th May 2018).

Ru.openlist.wiki. (n.d) *Otkrytyy spisok – baza dannykh zhertv politicheskikh repressiy v SSSR (1917–1991 gg.)* [Open list-database of victims of political repressions in the USSR (1917–1991)].

The Centre for Genealogical Research. (n.d.) Official Website.

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Vasily P. Zinoviev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

Уйманов Валерий Николаевич – доктор исторических наук, администрация Томской области (Россия).

Valeriy N. Uimanov – Administration Tomsk Region (Russia).

E-mail: uimanov@tomsk.gov.ru